

Не раздумывая долго, Тан Мо направился в Императорский кабинет.

У входа в Императорский кабинет он заметил евнуха Суня, который стоял у двери с подносом, на котором были закуски. Выражение его лица было растерянным и осторожным.

Тан Мо хотел что-то спросить, но изнутри донесся голос Сяо Чжэнтина, наполненный гневом, от которого мурашки пробежали по коже.

Подойдя к евнуху Суню, Тан Мо взглянул на закуски и свежесваренный чай:

— Что происходит?

Евнух Сунь, увидев его, облегченно вздохнул, протянул поднос с чаем и закусками и умоляюще произнес:

— Господин, чиновники не справились с работой, и Его Величество разгневан. Я готовил ему чай, но случайно обжег Его Величество. Сейчас он в ярости, и я прошу вас отнести новый чай и закуски внутрь. Его Величество всегда смягчается, когда видит вас.

Он рассчитал, что Тан Мо придет, и специально поджидал его здесь.

Тан Мо усмехнулся:

— Я не огнетушитель. Если он злится, мое появление не заставит его перестать.

Евнух Сунь поспешно улыбнулся:

— Господин, я служу Его Величеству уже более десяти лет, и вы — человек, к которому он относится особенно. Умоляю вас, у Его Величества в последнее время першит в горле, и ему обязательно нужен чай.

Тан Мо взглянул на чайник в его руках:

— Замените его на простую кипяченую воду.

— Что? — Евнух Сунь подумал, что ослышался, и переспросил. — Вы сказали, что нужно принести кипяченую воду?

Тан Мо кивнул и серьезно ответил:

— Чистая кипяченая вода — лучшее для организма. Чай лучше пить после еды, а в остальное время кипяченая вода полезнее, чем женьшень.

— Хорошо, я заменю.

Евнух Сунь решил поверить ему и ушел.

Вскоре он вернулся, заменив весь чай на кипяченую воду, и передал ее Тан Мо.

Тан Мо взял поднос и, после того как евнух Сунь открыл дверь, переступил высокий порог и вошел в Императорский кабинет.

В ярко освещенном кабинете Сяо Чжэнтин был холоден, как лед:

— Я говорил, что все должно быть для блага народа. Если бы местные чиновники не были такими бездарными, разве бы произошли беспорядки и грабежи?

Эти бездари не могут справиться даже с простыми задачами.

Сяо Чжэнтин почувствовал знакомое присутствие рядом и поднял голову, как раз увидев Тан Мо, который ставил поднос перед ним.

Взглянув в его ясные глаза, Сяо Чжэнтин почувствовал, как гнев в его груди чудесным образом утих.

Герцог Цюань холодно посмотрел на Тан Мо и выступил вперед:

— Ваше Величество, я считаю, что в этих беспорядках среди народа наверняка замешаны смутьяны, и их следует выявить и казнить.

Сяо Чжэнтин холодно фыркнул:

— Значит, герцог Цюань считает, что это не наша слабость, а вина народа?

Почувствовав гнев в его голосе, Ван Ни поспешно заметил:

— Ваше Величество, я не это имел в виду. Народ всегда невиновен, просто неизбежно найдутся те, кто...

— Довольно.

Сяо Чжэнтин не хотел слушать их болтовню и холодно произнес:

— Поступайте, как было сказано ранее. Если впредь будете использовать народ как предлог, не вините меня за последствия. Если больше нечего сказать, удалитесь.

Министры не посмели ослушаться, поспешно поклонились и почтительно вышли из Императорского кабинета.

Тан Мо протянул ему чашку с водой и улыбнулся:

— Ваше Величество, смочите горло.

— Хм.

Вода, которую он подал, была как раз нужной температуры. Сяо Чжэнтин даже не посмотрел, что это, и сделал глоток.

Сделав глоток, он обнаружил, что вода безвкусна, и удивился:

— Это не чай?

Тан Мо улыбнулся:

— Ваше Величество, чай лучше не пить с утра до вечера. Кипяченая вода — лучшее для организма. Она ускоряет обмен веществ и улучшает кровообращение. Пейте больше.

Сяо Чжэнтин допил воду из чашки и протянул ее обратно:

— Налей мне еще.

Тан Мо налил ему еще одну чашку:

— Почему Ваше Величество никогда не называет себя «мы» в моем присутствии?

Это было то, что он давно заметил. В его присутствии Сяо Чжэнтин никогда не называл себя императором, что глубоко тронуло Тан Мо.

Сяо Чжэнтин встретил его вопрошающий взгляд, и его строгое лицо наконец смягчилось легкой улыбкой:

— Мне нравится быть самим собой перед Мо. И я хочу, чтобы Мо тоже был самим собой передо мной. Не думай о том, что «сопровождать императора — это как сопровождать тигра». Это касается других, не меня. С тех пор как ты вошел во дворец, ты всегда был напряжен. Не нужно так. Я говорил, что ты мой человек, и передо мной тебе не нужно сдерживаться.

— Ваше Величество, вы так ко мне милостивы.

Услышав его откровенные слова и увидев искреннюю заботу в его глазах, Тан Мо был глубоко тронут.

Ему нечего было предложить этому императору, но с тех пор, как он спас ему жизнь, Сяо Чжэнтин всегда относился к нему хорошо. Он чувствовал эту искренность.

Опустив глаза, Тан Мо улыбнулся:

— Чжэнтин, не беспокойся, в будущем я буду более естественным.

— Так и должно быть. Мне нравится, когда ты естественен передо мной. И я перед тобой тоже буду естественным. Мы взаимны.

— Хорошо.

Тан Мо вдруг вспомнил, как видел наложницу, изменяющую императору, и проглотил слова, которые уже готов был сказать.

Сяо Чжэнтин выпил две чашки воды и почувствовал, как его горло стало легче. Его голос стал глубже:

— Мо, куда ты ходил?

Он проснулся и не нашел его, сказали, что он пошел осмотреть дворец.

Услышав его слова, Тан Мо вспомнил о наложнице и ее любовнике, но промолчал, лишь тихо ответил:

— Просто гулял.

Сяо Чжэнтин взглянул на доклад перед ним, где обсуждались недавние события:

— Мо, в области Юнь произошли беспорядки, и люди грабят зерно, что полностью нарушило планы помощи. Что ты думаешь об этом?

— Это ваше дело, я не хочу обсуждать политику.

Чем больше говоришь, тем больше ошибаешься. Он не хотел говорить.

Сяо Чжэнтин, увидев его отказ, серьезно посмотрел на него:

— Мо, мы договорились не сдерживаться. Я знаю, что ты мудр, и не могу не спросить тебя.

Из его предыдущих слов было видно, что Мо — человек с глубоким пониманием политики.

Тан Мо, видя его настойчивость, сказал:

— Беспорядки и грабежи зерна происходят из-за страха людей, что они не получат свою долю. Это в большей степени показывает некомпетентность местных чиновников и недоверие народа к их управлению. Если бы люди доверяли местным властям, они бы спокойно стояли в очереди за зерном, и даже если бы кто-то пытался их спровоцировать, они бы не реагировали. Когда произошло наводнение, следовало немедленно отправить войска для спасения, и тогда люди сразу бы почувствовали сильное доверие к государству. Это результат недостаточных усилий в начале.

Сяо Чжэнтин кивнул:

— Действительно так.

Тан Мо подумал и добавил:

— Дядя Чжоу скоро прибудет в область Юнь. С ним проблем не будет.

Чжоу Хао был Великим генералом войск, человеком прямолинейным, но не лишенным гибкости. Говорили, что куда бы он ни вел свои войска, его железное правило — не беспокоить народ. Это показывало, что он очень заботился о людях.

Сяо Чжэнтин сказал:

— Действительно так. Я приказал ему сразу по прибытии успокоить встревоженных людей и организовать их размещение. Первая партия денег и зерна уже доставлена.

— Чжэнтин, я боюсь, что к тому времени, как деньги и зерно дойдут до низов, от них мало что останется.

Это ведь не эпоха высоких технологий, и вполне возможно, что после всех уровней распределения народу не хватит даже на пропитание.

Сяо Чжэнтин закрыл доклад:

— Мо, не беспокойся. Я уже знал об этом и приказал Чжоу Хао, что если на месте окажется хотя бы одна монета или зернышко меньше, он должен немедленно казнить всех чиновников выше уровня префекта, которые имели к этому отношение.

Тан Мо вздрогнул. Он знал, что Сяо Чжэнтин властен, но не ожидал такой жесткости. В таких условиях ни один чиновник не посмеет воровать.

Нельзя не признать, что этот шаг Сяо Чжэнтин был поистине гениальным.

Но, впрочем, будучи императором много лет, он наверняка прекрасно знал, что происходит среди чиновников. Если он их использовал, то был уверен, что сможет их контролировать.

Сяо Чжэнтин хотел что-то сказать, но снаружи донеслось сообщение, что Вдовствующая императрица хочет видеть Тан Мо.

Тан Мо удивился. Вдовствующая императрица была матерью Сяо Чжэнтина, и он никогда не видел ее, только знал, что она живет во Дворце Вечного Долголетия.

Сяо Чжэнтин положил доклад и холодно произнес:

— Передайте Вдовствующей императрице, что он сейчас обсуждает со мной государственные дела и не может прийти.

Тан Мо сказал:

— Я пойду. Она вряд ли будет меня донимать.

— Не ходи.

Сяо Чжэнтин взял кисть и начал писать на докладе:

— Она не добрый человек. Если встретишь ее снаружи, избегай. Если не сможешь, немедленно сообщи мне.

— Хорошо.

Тан Мо заметил отвращение в его глазах, когда он говорил о Вдовствующей императрице. Как и говорили слухи, мать и сын не были близки, и Сяо Чжэнтин явно не любил свою мать. Тан Мо подумал, что если родной сын называет ее недоброй, то, вероятно, эта Вдовствующая императрица действительно не была хорошим человеком.

Но, впрочем, если подумать, сколько женщин, достигших высот во дворце, действительно были добрыми?

<http://bllate.org/book/16556/1510319>